

ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ У МОРДВЫ

В статье рассматриваются обычно-правовые аспекты мордовского язычества. Анализируются механизмы реализации традиционных норм посредством молений, клятвенных заверений «именем мордовских богов и умерших предков», заговоров, жеребьевки, сакральных природных объектов, иных религиозных обычаев и обрядов. Автором на базе исторических, этнографических, архивных, фольклорных и полевых материалов приводятся конкретные примеры из обычно-правовой практики мордвы, подтверждающие значимость религиозных воззрений в регулировании общественных отношений.

Yu. Sushkova

TRADITIONAL LEGAL ASPECTS OF PRE-CHRISTIAN BELIEFS OF THE MORDVINS

Traditional legal aspects of Mordovian heathenism are observed in the article. The author analyses mechanisms of customary norms usage through collective praying, swearing “in the name of God and dead ancestors”, incantations, casting of lots, sacred objects of nature, other religious customs and rituals. Basing on historical, ethnographical, archival, folklore and field materials, the author gives concrete examples from the traditional legal practice of the Mordvins, which confirm the tremendous role of religion in regulation of social relations.

Религиозные верования с древнейших времен являются важным компонентом образа жизни народов, в том числе, их правосознания, способствуя реализации системы обычного права, эффективности его регулятивной и охранительной функций. Религиозному или сакральному санкционированию подвергались самые значительные явления этнонормативного регулирования общественных отношений. Нарушение сложившихся стереотипов поведения считалось безбожным, оскорблявшим веру и обязательно влекло наказание.

Важным фактором формирования и развития уникальной модели мордовского правосудия было язычество, выражавшееся в особом механизме защиты прав посредством молений, клятвенных заверений «именем мордовских богов и умерших предков», заговоров, жеребьевки, сакральных природных объектов, иных религиозных обычаев и обрядов. Религиозные основы обычно-правовых отношений у мордвы до принятия христианства определялись верой народа в божества, осуществлявшие покровительство над определен-

ными сферами природы, хозяйственной деятельности, общественных и семейно-родовых отношений. Так, божествами леса (*вирь*) являлись *Вирь-ава* (*ава* – женщина, мать) и *Вирь-атя* (*атя* – мужчина, старик), земли (*мода*) – *Мода-ава* и *Мода-атя*, воды (*ведь*) – *Ведь-ава* и *Ведь-атя*, ветра (*варма*) – *Варма-ава* и *Варма-атя*, огня (*тол*) – *Тол-ава* и *Тол-атя*, дома (*кудо*) – *Кудо-ава* и *Кудо-атя* или *Юрт-ава*, *Юрт-атя* (эрз.), *Юрхт-ава*, *Юрхт-атя* (мокш.), двора (*кардаз*) – *Кардаз-ава* и *Кардаз-атя*, очага (печи) (эрз. *каштом*, мокш. *пянакуд*) – *Каштом-ава* и *Каштом-атя*, *Пянакуд-ава* и *Пянакуд-атя*, погребца (*бохарям*) – *Бохарям-ава* и *Бохарям-атя*, бани (*баня*) – *Баня-ава* и *Баня-атя*, солнца (эрз. *чи*, мокш. *ши*) – *Чи-паз* или *Ши-бавас*, луны (эрз., мокш. *ков*) – *Ков-ава* и др. Верховным богом, главным божественным судьей, у мордвы считался *Нишке* (эрз.), *Шкай* (мокш.). Мордва-эрзя называла его также теонимом *Нишке-паз* (*паз* – бог), *Верде-паз* (*вере* – верх, верхний), а мордва-мокша – *Вярде Шкай* (*вярде* – верх, верхний), *Шка-бавас*, *Оцю шкайбас*¹.

Согласно сферам покровительства божествами контролировалось поведение конкретной личности и коллектива в целом. Религиозные воззрения содействовали формированию обычно-правовых норм, главным образом, в части механизма реализации, выступая сакральным гарантом исполнения принятых решений, поскольку считалось, что их нарушение влекло наказание не только со стороны земных (мирских) юридических институтов, но и божественных.

По мордовским дохристианским верованиям божества обладали правомочием как помогать людям, так и наказывать их за те или иные непозволительные деяния. Для достижения желаемого результата люди старались умилостивить, задобрить их. В народе превалировало представление об абсолютной справедливости воли богов и умерших предков, которая считалась одним из основных ориентиров в восприятии

отношений между человеком и богом. По-терпевший, обиженный умолял богов найти и наказать виновного, а тот, как правило, не просил избежать наказания, а, раскаявшись, умолял о снисхождении к нему. Мордва просила у богов содействия в делах, возможности жить в добре и согласии, избегать споров, конфликтов, злых поступков.

В честь божеств на предполагаемых местах их обитания (в лесах, на полях, у рек, в жилищах, во дворах и банях, у родников и озер) устраивались моляны, моления (*озкст*), на которых совершались те или иные жертвоприношения, воздавались молитвы (мокш. *озондомат*, эрз. *озномат*). В основном мордовские *озксы* были общественными, устраивавшимися всем селом для защиты коллективных дел, и семейными – в интересах отдельной семьи. В молениях отражен уникальный обычно-правовой механизм народного правосудия, выраженный в особой форме защиты, представления интересов, борьбы за права, благополучие как со стороны конкретной личности, так и группы в целом.

Общественные моления проводились всем селом с санкции мирского схода. Важное обычно-правовое значение в ряду общественных молений представляло мирское моление (*вель озкс*), темой которого была защита солдат, взятых государством на военную службу. Обязанность общины по рекрутству солдат считалась в глазах народа наиболее тяжелой, в связи с чем это моление было самым торжественным и многолюдным. Оно продолжалось три дня, начиная с Петрова дня. В первый день кололи быка, во второй – телку, варили пиво. Первые два дня молились *Верде Шкаю* о здоровье сельчан и урожае хлебов, а в последний – о здоровье солдат, находившихся в это время на военной службе, чтобы *Верде Шкай* «дал им легкую службу», чтобы «начальники не обижали их» и они «вернулись домой здоровыми». Для этого дня оставляли бочку пива и варили кашу. В молении участвовали мужчины, женщины и

дети, не расходившиеся по домам до позднего вечера. Старшие пили общественное пиво, а молодежь организовывала игры².

Другое общественное моление – на грани (*грань озкс*) совершалось на меже, отделявшей поля от соседних сел, которая, как правило, наряду с знаками собственности (эрз., мокш. *тешкст*), выступала в качестве юридического символа прав на земельные участки. Маркерами, носившими религиозно-магический характер, считались частичка земли и хлебная спорина, намеренный или нечаянный перенос которых на чужие поля мог привести к потере земли или урожая. Во избежание этого проводилось моление в честь богини плодородия *Норов-авы*.

В молении о лошадях (*алашань озкс*) прослеживается значимость старейшин и должностных лиц общины, в частности сельского старосты. Например, в проходившем в деревне Кардафлей Городищенского уезда Пензенской губернии молении за день до его начала сельский староста покупал на общественные деньги пуд или два меда для пуре, достаточное количество свинины и гуся и передавал приготовленное трем хозяевам, организовывавшим проведение обряда. Избиралось трое стариков, которые произносили молитву о сохранении лошадей деревни от «всякого зла и лиха». По окончании молитвы выбранные старики обходили три раза вокруг специально испеченных хлебов, прикоснувшись к каждому. При обходе в третий раз шедший впереди всех старик брал в руки нож и чашку, вырезал по маленькому кусочку и клал в чашку. Вырезанные кусочки в дальнейшем относили под куст и зарывали в землю³.

Помимо указанных, мордва проводила моления плуга (*кереть озкс*), курицы (*сараз озкс*), луга (*лайма озкс*) и другие, в которых просила о здоровье, рождении детей, размножении скота. Плодородие, увеличение потомства рассматривалось народом как божье благословение, одобрение об-

раза его жизни, поведения. В экстренных случаях, когда в селе происходили массовые эпидемии или падеж скота, совершали чрезвычайные моления, например, тяжелое моление (*стака озкс*) и моление о саранче (*тасто озкс*). Мордва крупные бедствия, эпидемии, эпизоотии, засуху, смерчи и др.) часто связывала с божественным наказанием. В молении *стака озкс* участвовали пять-шесть человек во главе с сельским старостой, которые просили богов смилостивиться и снять с деревни свои проклятия⁴.

Для обеспечения семейного порядка и благополучия проводились семейные моления, совершавшиеся старшими членами семьи. Молян проводился отдельной семьей по случаю «какого-нибудь важного события в семействе или родстве в присутствии членов семейства или родства». К числу наиболее важных относились: моление богине дома (эрз. *Куд-авань озкс*), моление в подполе (эрз. *сэдь алкс озкс*), моление двора (эрз. *кардаз озкс*), моление овина (эрз. *авня озкс*)⁵.

В материалах фольклора отразились моления, произносившиеся в целях предохранения дома от преступников и правонарушителей: «*Кардосярко*, матушка, хранительница двора!... Навстречу злому человеку встань. Кто придет воровать, лиши его рассудка, железным забором огради, направление спутай, в кулак сожми»; «Стой, *Юртава*, матушка, за семью, живущую в доме, храни от душманов и вредных, от всех злых и недобрых, дом и двор гадящих»; «*Кардо-сярко*, матушка, сохрани от плохого, дурного человека, сохрани от противника, сохрани от замышляющего дурное, сохрани от дурного глаза, сохрани от дурных мыслей, сохрани от вора, от колдуна, дай нам, матушка, осмотрительность, не пускай вора, не пускай ворожею...»⁶.

Мордовские моляны с комплексом разнобразной атрибутики отражали зависимость человека от природы и его религиозно-мифологическое миропонимание. В содержании и характере молитв были пред-

ставлены нормы народной этики и права. В них последовательно раскрывалось характерное для традиционного менталитета представление о мире, функционировавшем в пределах циклической хронологической константы протяженностью один год с четырьмя постоянными составляющими (временами года). Этот цикл являлся опорой воспроизведения и укрепления нравственных и юридических воззрений народа.

Сакральному санкционированию подвергались наиболее существенные аспекты соционормативного регулирования общественных отношений. Это касалось таких институтов и принципов, как, например, соблюдение мира и порядка в общине и семье, осуществление правомочий в рамках имеющихся условий собственности, различных обязательств и договоров, формирование межличностных отношений, правовой статус каждого члена коллектива, народное правосудие и др. Нарушение сложившихся эталонов поведения, обычно-правовых требований к поддержанию согласия в общине, договорных обязательств, а также иной ответственности, вытекавшей из отношений между членами коллектива традиционно считалось безбожным, оскорбляющим веру и обязательно влекло наказание. Считалось, что боги отворачивались от людей, которые своим поведением оскверняли их честь. «Пас отступается от людей, оскорбляющих его своими беззакониями», – писал Н. Смирнов. По свидетельству К. Мильковича, относящемуся еще к XVIII в., мордва считала, что в загробном мире «богато» живут лишь честные люди, а «бесчестно пожившие» горят в огне – «смоласа пиксить»⁷.

В обычно-правовой схеме «преступление-наказание» существенное значение имело раскаяние, невозможное без божественного прощения. Так, большим почтением у мордвы пользовались липы, названные «прощенными» из-за их особой сакральной силы отвращать гнев богов от людей, прощать их несправедные поступ-

ки. «Мордва верит, что всякая болезнь приходит к человеку в наказание от разгневанных божеств, и, чтобы избавиться от болезней, нужно умиловать посланного их бога», – констатировал М. Е. Евсевьев, описавший липы около заштатного города Троицк, к которым на поклонение приезжала мордва из Краснослободского, Инсарского и Наровчатского уездов⁸.

Традиционно мордва считала, что наиболее серьезным наказанием, посланным богом семье, были болезненные дети, либо вообще бездетность. К «прощенным» липам часто приезжали бесплодные женщины, привозя с собой разные угощения. Разложив их под липами, они начинали молиться, ползая со слезами вокруг лип на коленях, упрашивая о прощении и помощи. На липы развешивали привезенные дары (холсты, платки, новые рубашки и др.). С больных детей снимали шапочки, рубашки, пояса, оставляя их под липами в надежде, что вместе с ними останутся и болезни. По сообщению крестьянина-мордвина из деревни Самодуровки Василия Карьциганова, на собранные деньги и пожертвования можно было бы построить каменный собор. «Молодые женщины нередко оставляют свои лучшие наряды, иногда стоимостью до десяти рублей. Это и не удивительно, так как бесплодие женщины и смерть малолетних детей считается у мордвы самым тяжким несчастьем». Сохранилось много рассказов о том, как липы помогали людям, исцеляли их от тяжелых болезней, жестоких проклятий⁹.

Тесная связь обычного права с религией обусловила широкое распространение такой древнейшей практики, известной у различных народов мира, как «Божий суд», когда виновность лица устанавливалась по результатам испытания, которому это лицо подвергалось. Формы «Божьего суда» были разнообразными, наиболее известны среди них произнесение клятвенных заверений (присяги), жребий, судебный поединок.

В традиционном правосудии мордвы очень весомым аргументом по делу считалось устное свидетельство, ибо произнесенная публично ложь могла навлечь гнев не только со стороны мирян, но и божеств. Клеветничество, лжесвидетельство квалифицировались как тяжкие антисоциальные проступки, так и греховные деяния. Уникальным гарантом правдивости произнесенного свидетельства, выражавшемся в боязни разгневать богов, убеждении в неотвратимости их возмездия, являлись клятвенные заверения (мокш. *вал максомо*, эрз. *вал максомо*). Большинство клятвенных заверений, практиковавшихся у мордвы, имело древние языческие корни. Судя по сохранившимся историческим и юридическим актам русского делопроизводства XVI–XVII вв., если русские при спорах с мордвой давали судьям в «божью правду» клятву по «крестному целованию», то мордва — «по своей вере по мордовской», «по своей вере по шерти»¹⁰.

Во время допросов, учиненных алатырским воеводой по поводу съезда мордвы и черемис от 25 сентября 1629 г. в деревне Чукалах, мордвы деревни Игнатовы Андрюшка Игнатов и деревни Старых Чукал Сустат Секшенев перед стольником и воеводою Дмитрием Никифоровичем Толочановым, подьячим Григорием Рукавовым свидетельствовали «по своей вере по шерти за себя и за своих товарищей за всю деревню», что в прошлом году «после великодня на семик, был де он в деревне в Новых Чукалах у мордвина у Соваика Мечасова, и в тот де день была деревни Старых и Новых Чукал у мордвы мольба над их родители, по вере осыпали землю — мар; а были на той мольбе Арзамасская и Нижегородская мордва с женами и с детьми...»¹¹.

Клятва мордвы «по своей вере» считалась одним из доказательств, подтверждавших истинность оспариваемого факта или события на судебном процессе. При разбирательстве дела братья Печерского Вознесенского Полянского монастыря с

мордвином Ивантой Рамстеевым о владении лесными угодьями за рекой Пьяной судьи спросили «Ивантиных знахорей мордвы Учевата, да Ивана, да Узветя»: «Скажете вы в божью правду, по своей вере по мордовской, чей то лес, где мы стоим». И Учеват ответил: «господине, божия правда, по своей вере по мордовской — яз был, господине молод, а ежживал есми, господине, со отцом своим по тем местам, и отец мой, господине, говаривал про те леса так: «те вот места пригоже государю великому князю»¹².

В тексте допроса ясадного мордвина Мамлейки Атюрьева по поводу оплаты им оброка, состоявшегося в Саранской воеводской канцелярии не ранее июля и не позднее 28 сентября 1704 г., говорится: «... Того же числа тое ж деревни Кочкуровы мордвин Мамлейка Атюшев, по своей вере и по шерти сказал: старожил я тое ж деревни..., а земли у меня той деревни в трех полях по две десятины, итого тягло, а податей в казну великого государя с тое земли и угодей платил я тое ж деревни с мордвою по переписным книгам Мартына Суворова с 17-ти дворов, а за десятинную пашню и за посопный хлеб деньгами по десяти алтын с полугривною; ямских и полоненичных по десяти денег; за мельнишною поделку по шты денег, за стрелецкий хлеб по тринадцати алтын по две деньги на год; ратным людям на жалованья по осьми алтын по две деньги 3 двора, а по Семеновские канцелярии и из ьных приказов никаких поборов на меня, Мамлейку, не положено, и не плачивал, а куничных и ясадных и верхового медвинного оброку за мною нет и не бывало и торгами не торгую и никакими промыслами не промышляю, а пчел у меня нет. А буде я, Мамлейка, сказал ложно, и за ложную мою скаску указал бы великий государь и по своему великого государя указу учинить мне смертную казнь. К сей скаске Саранской площади подьячей Матвей Щедрин по велению мордвина Мамлейки Атюшева (знамя) знамя ево приложил»¹³.

В некоторых мордовских деревнях еще в конце XIX в. давали клятву «через лутошку». Перед испытуемым клалась лутошка, т. е. очищенная от коры липка, и он должен перешагнуть через нее со словами: «чтобы иссохнуть мне, как эта лутошка, если солгу»¹⁴. Подобно ряду других народов, мордва нередко клялась богом солнца: «Пусть поразит меня *Чуназ*, если я вру!». Интересно отметить, что мордва Саранского уезда Пензенской губернии в разное время суток клялась по-разному: утром — «Так же верно, как и восходящее солнце над моей головой!»; в обед — «Так же верно, как и солнце над моей головой!»; вечером — «Так же верно, как и заходящее солнце над моей головой!». Мордва считала клятвенными и такие слова: «Накажи меня, Великий бог, пусть ослепнут мои глаза и я не смогу видеть сияния солнца, если мои слова — ложь»; «чтобы после захода солнца, солнца не видать, если скажу неправду». Обращаясь к Верховному богу, мордва молила его о сохранении от греховных поступков и злых людей: «*Нишке паз*, верховный бог, ты превыше всех богов... Храни нас от злого человека, плохо думающего, плохо делающего, плохие советы дающего, береги от злого глаза, плохих мыслей... Плохое замышляющего навзничь опрокинь, черной землей сделай, пусть стыдно ему будет, из среды людей выведи!». Хозяин скота, доказывавший принадлежность ему животных в случае, если на них не оказывалось мет, должен был привести с собою двоих свидетелей, которые клялись словами: «Пусть нам не лежать в земле». Эти слова признавались самой сильной клятвой, так как она предвещала клятвopепреступнику вечное после смерти скитание по земле¹⁵.

Приведенные клятвенные формулы широко использовались как в государственных учреждениях, так и в крестьянском быту. При разрешении семейных конфликтов также прибегали к клятвам. Как зарок не заводить споры клялись следующим образом: «На стол рядом клали два

топора, около которых ставили свечу, при этом каждый должен был произнести обязательно по три раза: «Я больше не буду». Огонь гасили и с этого момента все старались жить в мире и согласии. Иначе мог наказать бог». Отвечая на вопросы относительно нарушения норм обычного права, старожилы мордовских сел часто произносили слово «грех» (мокш. *пеже*, эрз. *пе-жеть*). «Раньше боялись греха и стыда: греха — перед Богом, стыда — перед отцом». В других семьях, давая клятву, говорили: «*Тартарарав туезан*» («Да провалюсь я в тартарары, если солгу»). Члены семьи также произносили друг перед другом: «Пусть меня парализует, если я солгу». В зарок правдивости сказанных слов, мужики вырывали волос из бороды. В качестве клятвы и способа примирения мордвина связывали пояс, стелили на землю (на тропу или между) и переступали через него. Перешагивание через пояс символизировало правдивость произнесенного свидетельства. Переступали также и через луб¹⁶.

Религиозные верования служили гарантом исполнения обязательств, как правило, практиковавшихся у мордвы в устной форме. По свидетельству В.Н. Майнова, мордва удивлялась вопросу, считает ли она за грех или стыд неисполнение произнесенного слова. В народе отвечали, что не сдержавшие слова люди теряли уважение и их никогда не привлекали бы для решения или обсуждения какого-либо дела, особенно в рамках сходов стариков. Исполнение договоров признавалось мордвой божественным делом. «Договор, всякий, хотя и словесный, так как иных мордва не знает, — святое дело, так как при всяком договоре договаривающиеся произносят чрезвычайно важную в их глазах формулу: «Бог нас связал — пусть он нас и развяжет», причем связываются поясами друг с другом, а в одном месте выдергивают у себя по два волоса из головы и сплетают их вместе», — отмечал исследователь. У мордвы-эрзи, в частности, сложилась такая пословица: «На договоре крепок — беде не быть». Сак-

ральное значение соглашения подтверждается этимологией мордовского обозначения слова «договор» — *алтавкс*, что означает «обет»¹⁷.

Согласно религиозно-мифологическим воззрениям мордвы, бог грома (*Пурьгине-Паз*) считался близким богу молнии (*Ендол-Паз*), совместно наделявшихся мощной карающей силой. *Пурьгине-Паз*, к примеру, представлялся вооруженным камнями (мокш. *атям кев*, эрз. *пурьгине кев*, что означает камень грома), которыми он убивал людей и скот. За менее значительные проступки, особенно подростковые, он наказывал крапивой (*пурьгине палакс*)¹⁸.

С древнейших времен сложилась практика заключения договоров в специальные дни, которые считались посвященными тем или иным божествам. Таковыми у мордвы признавались дни в конце июня, когда обычно проводилось многолюдное летнее общинное моление *веле озкс* (эрз., мокш. *веле* — село) и праздник бога грома *Пурьгине-Паза*. При исполнении условий соглашения обычно обращались к богу грома со словами: «*Пурьгине-Паз керяк!*» («Бог грома, руби!») или же к богу солнца: «*Чиназ, пултык!*» («Бог солнца, сожги!»). При заключении соглашений произносили клятву: «Связались мы кушаками — свяжи нас, Боже, цепями; кто ту цепь разрубит — чтобы кровь из нас текла», или «как волосы наши связаны, так и мы связаны; кто волосы развяжет — чужую кровь прольет». Выработка договоренностей у мордвы обязательно сопровождалась особым обрядом: участники соглашения отрезали горбушки от ковриги хлеба, делили ее друг с другом и съедали, по небольшому кусочку каждый зарывал в землю. Считалось, что съедание символа договора, каковым выступал кусочек хлеба, произнесение клятвы гарантировали выполнение условий. В ином случае верили, что если «кто кушаками связывался — нутро выйдет (грыжа), кто волосами — кровь горлом пойдет, кровью изойдет или огнем сгорит (горячка), а если этого всего не случится, то внутренняя молния

(удар) убьет», причем для наказания богом молнии достаточным является разделение горбушки хлеба¹⁹.

Религиозным обрядом сопровождалось обозначение меты как средства маркировки межи. В частности, на каждом повороте межи нередко ставили камень, под который клали золу из очагов обоих соседей и вырезанные на кирпичах их меты (эрз. *тешкст*, мокш. *тяшкс*), которые призваны были защитить собственность от захвата, поскольку они вырезались с молитвой: «*Шкай, кормилец! Инешке-Паз, батюшка! Черный Мастыр-Паз! Как вы свои пчельники оберегаете, в чужие не вступаетесь, так поберегите и мое добро!*». Считалось, что попытавшийся перепахать межу после произнесения молитвы-оберега, по словам мордвы, «имел бы дело со всеми тремя главными божествами мордовскими, а с ними шутки плохи»²⁰.

Отдельные наблюдатели юридического быта мордвы отмечали самобытные способы «Божьего суда» как доказательства в установлении истины. К примеру, по свидетельству К. Митропольского, мордва ежегодно собиравшаяся где-либо около большого озера для судопроизводства над подозреваемыми в каких-либо преступлениях, совершенных в течение года, в целях познания правдивых фактов совершали следующий ритуал: «Судьи, чтобы узнать истину, чинили «суд Божий»: приказывали перевязать серединою бичевы шею обвиняемого и с быстротою перетаскивать его через озеро из конца в конец непременно три раза; оставшегося в живых признавали невинным». При подозрениях кого-либо в краже мордовские судьи давали предполагаемому виновнику выпить смесь взятой с кладбища земли и воды. В случае истинности подозрения виновный, как правило, не решался солгать из опасения, что предки накажут его за это смертью. Гнев предков навлекал на себя у мордвы-мокши тот, кто желал утвердить истину своих слов: «Пусть меня мертвый накажет, если я говорю неправду»²¹.

Широко применяемым способом «Божьего суда» был жребий. Он считался одним из древнейших традиционных доказательств в разрешении споров и иных дел. Выпадение жребия на конкретного лица знаменовало для мордвы волю ее верховного бога *Шкая*, нарушение которой согласно религиозным верованиям народа влекло наказание. О божественном санкционировании жеребьевки при разборке важных вопросов свидетельствует предание об избрании мордовского царя. Собравшиеся на сходку старики бросили жребий, который пал на крестьянина по имени *Тюштянь*. Испытывая решение схода и, соответственно, волю *Шкая*, он поставил перед стариками условие: если воткнутое в землю его «старое и сухое, как кость» кнутовище прорастет и станет яблоней во время опаживания им круговой борозды, то он согласится на царствование. Не успел *Тюштянь* вернуться на старое место, как увидел цветущую молодую яблоньку. Во время язвы на людей или скот несколько девиц обыкновенно в полночь выходили за село, взяв с собой соху и черного цвета котенка, щенка и петуха. Бросали там жребий, кому быть главой в предприятии. Указанную жребием впрягали в соху и помогали ей опаживать борозду вокруг всего селения²².

Духовным стержнем народа было особое отношение к земле, выраженное в понятии «Божья земля». В понимании мордвы земля сотворена богами для всего народа. В этом понятии коренилось передававшееся из поколения к поколению благовоительное отношение к природе земледельческого народа, каким является мордва. Представления ее о земле тесно связаны с воззрением о сакральной охране природных объектов, не исключавшим развитие институтов собственности. В конце XIX — начале XX в. земельные наделы закреплялись за общиной, которая распределяла ее среди семей по числу мужских душ. Некоторые участки земли и другие объекты в определенных случаях оставались в общем

пользовании и в этом значении также назывались «божьими». Мордва-мокша, жалуюсь В.Н. Майнову о недостатке земли, говорила: «Куда не ткнись — либо полесовщик, либо доверенный, у нас Божьего нету: все либо царское, либо барское, а нашего четыре десятины, да и из них одна и одна треть гуляет, потому неудобница». Кроме этого, находка, как один из способов приобретения собственности, обозначалась у мордвы *Пазынь-явовкс*, т. е. божьей частью или долей²³.

О божьей воле говорили и в тех случаях, когда на земле того или иного человека обнаруживался водный источник. Поскольку человек не в силах заставить реку течь в одну или другую сторону, то люди считали, что этот хозяин своим поведением, поступками угодил богу. В связи с этим установилось правило: граница, лежавшая по реке, сохраняется по ее течению. Бытование этого правила мордва объясняла тем, что человек не вправе спорить с волей богов, к тому же реки переменчивы и могут в любое время изменить русло. В использовании озера разделялись только берега, а оно само оставалось «Божьим», все прибрежные хозяева могли в нем рыбачить. Божьими также считались дорога и межа, все имели право пользоваться ими. Проезд и проход по дорогам и межам считался доступным каждому, причем за хозяевами земель закреплялась обязанность на поворотах и в узких местах вырыть небольшие ямы, чтобы избежать наездов на хлеб. Правом пользования обладали и в общественных лесах, однако обычаем определялось правило разумного потребления для того, чтобы всем хватило от «Божьего куска»²⁴.

Значимой составляющей религиозных основ народного правосудия у мордвы был культ предков. Все общественные бедствия (голод и болезни) она принимала как наказание или месть со стороны предков за неисполнение древних обрядов. Предки выступали хранителями традиций и наказывали своих потомков за нарушение сло-

жившихся устоев. У них же искали защиты от злого умысла. Например, во время свадебного обряда родители и родственники жениха перед тем, как идти за невестой, произносили следующую молитву: «Предки, благословите нас, вы — святые люди, в плодоносящей земле ваши тела, перед богом ваши души! Сохраните нас от плохих поступков»²⁵.

Поскольку считалось, что покойные строго следили за соблюдением обычаев и наказывали их нарушителей, то при разрешении семейных вопросов, возникавших между «живыми», также обращались к умершим предкам. К. Милькович отмечал: «Часто случается, что они (члены семьи. — Ю. С.), размолвясь между собою, ходят к умершим на могилу жаловаться и воображают, будто умершие, разобрав их дело, виноватого наказывают». В случае, когда в семье мордвина после смерти одного из ее членов возникал спор, то пострадавший обращался к покойному с просьбой защитить его²⁶.

В связи с увеличивавшимся значением умершего возрастал и почет к нему. Все, что так или иначе соприкасалось с ним, пользовалось у мордвы большим уважением. Могила умершего, место, куда выбрасывались щепки, оставшиеся после изготовления гроба, должны были быть неприкосновенными. Человек, потревоживший могильную землю, платил за это или жизнью, или благосостоянием. «На этой мстительности мертвых спекулируют люди, которые желают насолить врагу или извести его», — отмечал И.Н. Смирнов. Подобно черемисам (марийцам. — Ю. С.), мордва верила, что достаточно было взять земли с могилы и положить на двор к врагу, чтобы его постигло какое-нибудь бедствие. К гневу покойников обращалась жена, которая желала извести мужа. В с. Шадым Инсарского уезда произошел такой случай. «Женился парень самокруткой на девушке, которая была старше его. Скоро пошли семейные нелады, и жена решила отделаться от мужа. Соседки явились с советами:

«Возьми венчальное кольцо мужа, ступай на кладбище чрез ворота к валу и вколоти кольцо на осиновом колышке в землю». Баба проделала все, что ей посоветовали. Позже ребятишки, играя, действительно нашли кольцо на осиновом колышке, но она перемешала кольца и умерла сама». Особенно страшными считались места, где погребены убитые люди. Скотина, попавшая на такое место, околевала. Карой за вольное или невольное оскорбление могилы могли привести к внезапной хвори (притке), а иногда и к смерти виновника: женщина чаще всего наказывалась бесплодием²⁷.

Обыкновенно обращались к покойным предкам и в том случае, если кто-либо из членов семьи совершал проступок или преступление, но не сознавался в этом, хотя пострадавший и готов был клятвенно подтвердить истинность своих слов. Поскольку далеко не всегда можно было достоверно установить правоту кого-либо из сторон, то глава семьи обращался за помощью к домашним духам: «Покойные предки, отец и мать! Мы молимся вам, мы кланяемся вам, проверьте наше дело. Сноха *Тязай* клятвенно утверждает, что сноха *Мазай* ее хотела заколдовать, но сноха *Мазай* тоже клятвенно уверяет, что *Тязай* лжет. Кто же из них прав и кто виноват? Установите, кто прав, а кто виноват и накажите виновную!»²⁸.

У мордвы существовал обычай клясться именем покойного. По свидетельству Н. П. Орлова, при этих обстоятельствах приносили с могилы землю, размешивали ее водой и давали пить свидетелю или же обвиняемому. Пьющий говорил: «Возьмите меня к себе, покойные предки, я умру (за это) и в этом году буду захоронен». «Богов защиты дома, как и покойных, призывали наказывать тех, кто осмелился дать ложную клятву и тем очернил честных, невиновных людей. Виновный, который предается суду богов или вскоре умирает, или с ним случается большое несчастье», — констатировал Н. П. Орлов²⁹.

В культе предков во многом раскрывалась обычно-правовая модель взаимоотношений между общинниками, членами семьи, отражались принципы почитания старших, взаимной ответственности, заботы о родственниках и других членах семьи, взаимопомощи, а также организационные начала проведения сельских сходов, собраний старейшин, семейных советов и др.

Таким образом, религиозные верования существенно воздействовали на формирование и реализацию системы народного правосудия. Оказывая значительное влияние на становление правосознания людей, они способствовали укоренению нравственных убеждений, осознанию неизбеж-

ности отчета за совершенные правонарушения не только перед общинниками-односельчанами, но и перед богами, предками. Правомочность сакральных клятв, обычно-правовое оформление порядка проведения общественных и семейных молений, определенный состав их участников, формы «Божьего суда», культ предков, другие религиозные воззрения укрепляли сложившиеся принципы семейного и общинного укладов, требовали строгого следования традициям, верности сложившемуся порядку жизни, повышали значимость и авторитет старейшин-жрецов, тем самым закладывали основополагающие начала норм-обычаев в различных сферах традиционной юриспруденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и пер. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – С. 40, 71–73, 96.
- ² Евсевьев М. Е. Избранные труды: В 5 т. Историко-этнографические исследования. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 5. – С. 399–400.
- ³ Там же. – С. 374.
- ⁴ Там же. – С. 401–402.
- ⁵ Там же. – С. 402–403.
- ⁶ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 12 т. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. – Т. 7. – Ч. 3. – С. 170–177.
- ⁷ Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбовские епархиальные ведомости. Ч. неоф. – 1905. – № 18. – С. 823; Смирнов Н. Мордовское население Пензенской губернии // Пензенские епархиальные ведомости. – 1874. – С. 98.
- ⁸ Рукописный фонд ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия». И-658. Отчет М. Е. Евсевьева. Л. 180.
- ⁹ Там же. Л. 180–181.
- ¹⁰ Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск, 1940. – Т. 1. – С. 141, 170.
- ¹¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск, 1939. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 280–281.
- ¹² Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск, 1940. – Т. 1. – С. 141.
- ¹³ Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск, 1953. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 27.
- ¹⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск, 1940. – Т. 1. – С. 184–185; Малиев Н. М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость сложения народа. Национальные особенности черепа // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей при казанском университете. 1977–1978 гг. – Казань, 1978. – С. 4.
- ¹⁵ Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. – Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1952. – S. 174; Hamalainen A. Das Kultische Wasserfeuer der Mordwinen und Tschheremissen // Journal de la Societe Finno-ougrienne. – Т. XLVIII. – Helsinki, 1936–1937. – S. 13–14; Устно-поэтическое твор-

чество мордовского народа: В 12 т. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. – С. 185–186; Полевые материалы автора: Н. Ф. Беляева, 1950 г. р. мокша-мордовское село Польское Цибаево Темниковского района Республики Мордовия; *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы. – СПб., 1885. – С. 199.

¹⁶ Полевые материалы автора: М. П. Учуватова, 1927 г. р., И. И. Горностаева, 1932 г. р., эрзя-мордовское село Шокша Теньгушевского района; Г. Н. Кедрярова, 1934 г. р., эрзя-мордовское село Морга Дубенского района Республики Мордовия.

¹⁷ *Майнов В. Н.* Указ. соч. – СПб., 1885. – С. 211–212.

¹⁸ *Мокшин Н. Ф.* Указ. соч. – Саранск, 1998. – С. 75.

¹⁹ *Майнов В. Н.* Указ. соч. – СПб., 1885. – С. 212–214.

²⁰ Там же. – С. 197.

²¹ *Митропольский К.* Мордва. Мироззрение их, нравы и обычаи // Мирское слово, 1877. – С. 74; *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. – Саранск: Красный Октябрь, 2002. – С. 172.

²² Легенды и предания мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – С. 51–52; *Ауновский В. А.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. – Симбирск, 1869. – С. 14.

²³ *Майнов В. Н.* Указ. соч. – СПб., 1885. – С. 198.

²⁴ Там же. – С. 205–207.

²⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-267. Д. 91. Л. 12-24; *Harva U.* Op. cit. – S. 123.

²⁶ *Милькович К.* Указ. соч. – С. 825; *Harva U.* Op. cit. – S. 123.

²⁷ *Смирнов И. Н.* Указ. соч. – С. 172–174.

²⁸ Там же. – С. 123–125.

²⁹ Там же. – С. 286.